

ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

Из будущей книги того же названия

В 1935 году в Ленинграде театр Музыкальной Комедии поставил нашу с Адуевым оперетту «Как ее зовут?». Сразу после премьеры и традиционного банкета Адуев уезжал «Стрелой» в Москву, а я вместе с ним — показывать эту работу в Московской оперетте (там она, увы, не понравилась, и спетакль шел с музыкой А. Пульвера). Еле-еле успев на поезд, мы вбежали в купе, залезли на верхние полки и немедленно заснули. Банкет все-таки! А наутро в вагоне произошла забавная, чисто водеvilная, история.

Проснулись мы довольно рано — уже в те далекие годы у проводников была традиция будить пассажиров часа за два до прибытия поезда.

Лежа на верхних полках, не имея никакого желания немедленно подняться, мы лениво прислушивались к разговорам нижних пассажиров — скромной, хорошенькой девушки и щеголеватого молодого человека, сидевших за утринным чаем.

— По-моему, нам, соседям, давно пора познакомиться, — обязательно улыбаясь, сказал молодой человек.

— Маша П., студентка, — и девушка робко протянула руку.

— Очень приятно. Николай Адуев. Поэт - сатирик. Драматург. Москва, — сообщил собеседник.

Мой Адуев в этот диалог не вмешивался, только стал торопливо одеваться, накрывшись до подбородка солдатским одеялом. Я продолжал лежать, тихонько хихикая в ожидании предстоящей развязки.

Спустившись вниз, мой Адуев скромно присел на край дивана. Девушка внимательно слушала увлекательный рассказ того Адуева о его творчестве и о мос-

ковских литературных делах. Дождавшись паузы, мой Адуев сказал:

— Вот вы уже познакомились, позвольте представиться и мне. Вы, как я уже знаю, Маша П., студентка. А вы, если не ошибаюсь, писатель Николай Адуев?

Молодой человек с достоинством наклонил голову.

— А я, — продолжал мой Адуев, — Санька Прохоров, по кличке «Бовари», поездной вор - профессионал.

— Я вижу, вы тоже не чуждаетесь юмора? — снисходительно улыбнулся собеседник.

— Нет, почему же. Это чистая правда. И сейчас я вам это докажу. Вот вы, например, писатель Николай Адуев?

— Ну, конечно. — подтвердил, не чужа никакого подвоха, молодой человек.

— Тогда смотрите внимательно. Я вам кое-что продемонстрирую! — таинственно сообщил мой Адуев, полез в задний карман брюк (своих) и вынул оттуда членский билет Союза писателей с четкой подписью Максима Горького и паспорт.

Нет никакого смысла рассказывать о том, что было дальше, так как это гениально описано в финальной сцене бессмертной комедии «Ревизор», принадлежащей, как некоторые знают, великому писателю Н. В. Гоголю (1809—1852).

К этому надо добавить, что Маша П., впоследствии театральный критик, а тогда действительно студентка МГУ, была специально послана для журналистской практики молодежной газетой на премьеру нашей оперетты и видела моего Адуева, выходящего на премьерные поклоны. О чем, по врожденной скромности, не рассказала тому Адуеву...

В середине 80-х годов большая группа московских композиторов и артистов была приглашена в Молдавию на традиционный праздник весны — «Марцишор». И вот в Кишиневе торжественное открытие. Зал переполнен. Идут теле- и радиотрансляции на всю Молдавию. И даже на Одессу. В ложе — руководители республики.

Я за кулисами ожидаю своего выхода на сцену. Режиссер концерта предупреждает: «Следующий — вы!» И вдруг я слышу, как ведущая объявляет: «Выступает народный артист Советского Союза... Тихон Хренников». «Объявленный», не подозревая об этом, спокойно пребывав в Москве, а я, разозлившись, хотел вообще тут же уехать с концерта, но потом благоразумие взяло верх и, сдерживая обиду (а

одновременно и смех), я бодро вышел на сцену. Публика была несколько удивлена трансформацией внешнего облика Хренникова, незадолго до этого побывавшего на авторских концертах в Кишиневе.

После выступления я обратился к залу: «Дорогие друзья! Прошу у вас разрешения по возвращении в Москву рассказать Тихону Николаевичу, как вы тепло его сегодня приняли...»

На следующий день во всех тамошних газетах был напечатан Указ Президиума Верховного Совета МССР, где было сказано, что за большие заслуги и т. д. я награждаюсь Почетной грамотой Верховного Совета республики. Так элегантно извинились передо мной молдаване за случайную оговорку своей ведущей.

Вернувшись в Москву, я рассказал об этой истории Хренникову, довольно вяло на нее отреагировавшему.

31 декабря, душным, знойным вечером, мы трое — Писатель, Искусствовед и я, задыхаясь от жары («кондейшен» не работал), сидели в мягких креслах зала для транзитных пассажиров аэропорта города Порт-Морсби, что в Новой Гвинее. Пилоты авиакомпании «Пан-Америкэн» бастовали третий день, и было ясно, что Новый год мы будем встречать не дома, в Москве, а здесь, в аэропортовских креслах (в город «этих красных русских» категорически не пустили).

Мы изнывали от жары и скуки. Все анекдоты и забавные истории были уже давно пересказаны, некоторые по несколько раз. На серьезные темы говорить было невозможно — усталость, духота, дзвали о себе знать. Изредка, очнувшись от злостной полудремоты, кто-то из нас бормотал несколько бессвязных слов, отпивая глоток противной, теплой кока-колы и опять впадал в тупое оцепенение.

Вдруг Писатель открыл глаза и ясно произнес:

— Людоедка.

— Кто? Где? — поинтересовались мы с Искусствоведом.

— Я говорю: Люда Едка. А также: Коля Ратура. Иначе говоря: Рома Нист, — пояснил Писатель. — Была когда-то у нас в Москве игра: надо было найти такое слово, чтобы, подлив его пополам, получить имя и фамилию. Причем имя обязательно настоящее, существующее. А фамилия — уже не важно, какая получится. Ну, вот, например: Геня Рал, Лев Ша, Коля Кольчих, Мина Рет, Нина Глядая...

— Мими Крия, — робко

попытал свои силы я. — Кира Сир... Эля Ктрон...

Искусствовед оживился и тоже включился в игру:

— А вот еще можно: Ника Тин... Беня Фис... Ара Беска... Федя Рация. Или, скажем, Алла Коголих (тяжелый вздох, глоток «кока-колы»).

Писатель, видя, что его почин дружно подхвачен, продолжал вдохновенно декламировать:

— Оля Гархия! Сила Мер! Бела Ручка! Коля Со! Вера Ятная!

Сон прошел. Все трое крайне возбодрились и стали поперебой предлагать свои варианты:

— Сева Оборот! Мира Эдзние! Максим Альный! Инна Сказание!..

А Писатель, воспользовавшись возможностью продемонстрировать свое высокое мастерство в сложных построениях и тонкое чувство слова, время от времени восторженно выкрикивал такие словообразования:

— Матрена Маниальная! Аксель Ератор! Архип Елар! Антип Античный! Аким Улятор! Чарльз Полосица! — И вызывая своим странным поведением пристальное внимание одетых в полную форму, но зато босых полицейских, уже третий день окружающих нас своей заботой.

— Братцы, а в Москве сейчас ровно двенадцать! — вдруг спохватился Искусствовед. — Звон бокалов! Новый год! — грустно добавил он, отпив глоток теплой «коки», и тут же выкрикнул: — Тройня: «Сима Фор, Семз Фор, Света Фор!».

— Саня Торий, — подтвердил Писатель. — Филя Телст, Лиза Блюд...

Часы теперь летели незаметно. И, когда в ноль-ноль по местному времени кончилась забастовка пилотов и многочисленная, разноязыкая толпа измученных ожиданием пассажиров начала растекаться по нумерованным выходам к своим самолетам, мы, не обращая внимания на наступивший уже теперь и по местному времени Новый год, шептались, как сомнамбулы, пересохшими губами:

— Роза Ватая... Корней Плод... Изан Гелист... Катя Гория...

И уже в уснувшем самолете, летящем сквозь тропическую ночь, Писатель здруг, открыв глаза, громко произнес, отчего испуганно вздрогнул и проснулся его сосед, пожилой австралиец:

— Валя Сипедист!.. Нет, лучше. — Василий Педист! — После чего удовлетворенно вздохнул и погрузился в спокойный сон...

...Вот такая вышла с нами Фаня Тасмагория!..

Фото Леонида ШАРАПОВА.